

деле. Страхов больше уже не докучал Толстому такого рода просьбами, да и вообще редко и мало писал о работе над биографией. Правда, почти все письма за вторую половину 1882-го и первую 1883 года как Толстого, так и Страхова, очевидно, утрачены, но статья «Взгляд на текущую литературу», опубликованная 6 января 1883 года в газете И. С. Аксакова «Русь», свидетельствует, что мнение Страхова о Достоевском — художнике и человеке нисколько не изменилось к худшему, скорее, напротив.

Статья вторая

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ДОСТОЕВСКОГО. ПОПЫТКИ ИСПОВЕДИ

О совсем близком окончании работы над биографией Достоевского Страхов сообщает Толстому в середине августа 1883 года. И здесь впервые, пока еще в очень мягком и общем виде, прозвучали критические нотки: «Опять я оторвался от письма к Вам, но зато почти кончил свою „биографию“. Не ожидал я, что это так меня увлечет, и если первая половина будет скучна, то вторая, вероятно, прочтется с интересом. Какое странное явление этот человек! И отталкивающее, и привлекательное».⁷² Неожиданный поворот, которого, кажется, испугался «биограф», отступивший в конце письма: «И простите меня. Я прибрал Достоевского, а сам, верно, хуже». Умирают сослуживцы и приятели, но никакого смятения в душе Страхова нет — большой труд близится к концу, и он им доволен, с мыслью о неизбежной и, возможно, скорой смерти смирился, уютно обустроился для новых литературных занятий: «Я купил новый стол, новую лампу, построил три новых шкапа для книг, и усердно сижу дома. Все готово, ничего больше не нужно; кажется, никогда я не был так счастлив, в таком ровном и ясном духе».⁷³ Толстой, опечаленный смертью Тургенева и уставший от работы над статьей «В чем моя вера?», никаких чрезвычайностей от спокойного и счастливого Страхова не предвидел, а биографию Достоевского после туманно-загадочных слов корреспондента стал ждать с вполне оправданным нетерпением: «Жду вашу биографию. Хоть вы и браните ее, я знаю, что там будет много хорошего».⁷⁴

Тем временем Страхов работу над биографией продолжил, столкнувшись, должно быть, с какими-то серьезными внутренними трудностями. О задержке 16 сентября пишет Толстому: «Началось печатание моих *Воспоминаний* о Достоевском. Я все еще в этой работе, но через месяц мечтаю быть совершенно свободным».⁷⁵ Страхов тогда не предполагал, что и напечатав воспоминания, он никогда не освободится от них — будет все время тревожить тени прошлого, не желавшего становиться прошлым, будет каяться и обвинять, так и не обрета внутреннего спокойствия. Но пока лишь легкая рябь на ровной поверхности и размышления скептика и пессимиста Страхова о вечной театрализованной людской суете сует по поводу смерти и похорон Тургенева, на которого он «перестал...сердиться»: «Вы видите, бесценный Лев Николаевич, как жадно люди хватаются за имя, за гроб, за минуту опускания этого гроба в землю. Людям нужно нечто совершенно определенное и индивидуальное. Так им нужна церковь, алтарь, минута произнесения известных слов».⁷⁶ И что-то гнетет Страхова, что-то уничтожившее недав-

⁷² Там же. С. 647.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 649.

⁷⁵ Там же. С. 650.

⁷⁶ Там же.